

Искусственный интеллект в экономической политике постсоветских стран: возможности и ограничения

Александр А. Уланов

МГИМО МИД России, Москва, Россия,

a.ulanov@inno.mgimo.ru

Аннотация: статья посвящена комплексному анализу возможностей и ограничений применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в экономической политике стран постсоветского пространства в период 2019–2025 гг. Автор рассматривает ИИ как стратегический инструмент макроэкономического регулирования, способный оптимизировать фискальное администрирование, прогнозирование и управление рисками. В работе исследуется переход экономик постсоветских стран от фрагментарной цифровизации к системному стратегическому планированию, закреплённому в национальных концепциях и стратегиях развития ИИ. Особое внимание уделяется практическим кейсам внедрения технологий в государственном секторе и финансовой сфере, а также влиянию ИИ на повышение собираемости налогов и трансформацию бизнес-процессов. В результате исследования выявлены существенные барьеры, препятствующие реализации технологического потенциала региона: дефицит квалифицированных кадров, инфраструктурный разрыв между центрами и периферией, а также технологическая зависимость от импортных компонентов и оборудования. Обосновано, что внедрение ИИ ведет к поляризации занятости и риску роста структурной безработицы в секторах с преобладанием рутинного труда. Автор делает вывод о необходимости комплексного подхода, сочетающего инвестиции в суверенную инфраструктуру данных с развитием человеческого капитала и совершенствованием нормативно-правового регулирования. Результаты исследования могут быть использованы для дополнения и уточнения мер в рамках национальных политик в области цифрового развития и минимизации социальных рисков автоматизации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, экономическая политика, постсоветское пространство, цифровая трансформация, технологический суверенитет, рынок труда, институциональная среда, макроэкономическое регулирование

Для цитирования: Уланов А.А. Искусственный интеллект в экономической политике постсоветских стран: возможности и ограничения. *Проблемы постсоветского пространства*. 2026;13(1):54–63. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2026-13-1-54-63>

Поступила 11.01.2026

Принята в печать 12.02.2026

Опубликована 30.03.2026

Artificial Intelligence in Economic Policy of Post-Soviet Countries: Opportunities and Limitations

Alexander A. Ulanov

MGIMO of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia,

a.ulanov@inno.mgimo.ru

Abstract: the article provides a comprehensive analysis of the potential and limitations of applying artificial intelligence (AI) technologies in the economic policy of post-Soviet countries from 2019 to 2025. The author examines AI as a strategic tool for macroeconomic regulation capable of optimizing fiscal administration, forecasting and risk management. The study examines the transition of post-Soviet economies from fragmented digitalization to systemic strategic planning enshrined in national AI development concepts and strategies. Particular attention is paid to practical cases of technology implementation in the public sector and finance, as well as the impact of AI on increasing tax collection and business processes' transformation.

The study identified significant barriers hindering the realization of the region's technological potential: a shortage of skilled personnel, an infrastructure gap between the centers and the periphery, and technological dependence on imported components and equipment. It is proved that the introduction of AI leads to employment polarization and the risk of increasing structural unemployment in sectors with a predominance of routine labor. The author concludes that a comprehensive approach is needed, combining investments in sovereign data infrastructure with human capital development and improved regulatory frameworks. The study's findings can be used to complement and refine national digital development policies and minimize the social risks of automation.

Keywords: artificial intelligence, economic policy, post-Soviet space, digital transformation, technological sovereignty, labor market, institutional environment, macroeconomic regulation

For citation: Ulanov A.A. Artificial Intelligence in Economic Policy of Post-Soviet Countries: Opportunities and Limitations. *Post-Soviet Issues*. 2026;13(1):54–63. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2026-13-1-54-63>

Received 11.01.2026

Revised 12.02.2026

Published 30.03.2026

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования использования искусственного интеллекта (ИИ) в экономической политике постсоветских стран обусловлена ускоряющейся цифровизацией глобальной экономики и необходимостью адаптации национальных экономических систем к вызовам новых технологических трансформаций. По оценкам ЮНКТАД, широкое распространение технологий искусственного интеллекта «может положить начало пятой промышленной революции, в которой люди и умные машины будут сотрудничать»¹. С принятием в 2019 г. Указа Президента России о развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации, технологии ИИ начинают получать закрепление в основных документах, влияющих на экономическую политику постсоветских государств.

В условиях постсоветского пространства, характеризующегося разнородностью экономических моделей – от ресурсной ориентации до сервисных и формирующихся инновационных – ИИ может выступать в качестве стратегического инструмента повышения конкурентоспособности, оптимизации государственных расходов и стимулирования устойчивого роста.

По данным компании IDC, искусственный интеллект внесет вклад в мировую экономику в размере 19,9 трлн долларов США и обеспечит 3,5% мирового ВВП в 2030 году². В развивающихся экономиках эффект будет зависеть от институциональной среды. В постсоветских странах

этот потенциал сталкивается с ограничениями: дефицитом квалифицированных кадров, инфраструктурными проблемами и геополитическими факторами, что делает тему особенно значимой.

Например, в России в соответствии с поставленной Президентом В.В.Путиным задачей вклад ИИ в ВВП страны к 2030 году должен превысить 11 трлн рублей. В развитие этой цели Президент России поручил Правительству и главам регионов сформировать национальный план внедрения ИИ на уровне страны, отраслей и субъектов³. Вместе с тем сдерживающее влияние на реализацию проектов оказывают санкционные ограничения.

Аналогичные вызовы наблюдаются и в странах постсоветского пространства. К примеру, Узбекистан и Казахстан активно продвигают цифровые платформы, однако сталкиваются с рисками цифрового неравенства.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ возможностей и ограничений применения ИИ в экономической политике постсоветских стран.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- 1) выявить ключевые направления интеграции ИИ в макроэкономическое регулирование (прогнозирование, фискальную политику, управление рисками);
- 2) оценить институциональные и технологические барьеры;
- 3) проанализировать успешные кейсы и затруднения на основе имеющихся данных;

¹ Technology and Innovation Report 2025. Inclusive artificial intelligence for development (UNCTAD/TIR/2025). 07 Apr 2025. UNCTAD. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tir2025_en.pdf – p.19 (дата обращения: 07.01.2026)

² The Global Impact of Artificial Intelligence on the Economy and Jobs. 17 Sep 2024. IDC. URL: <https://www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=US51057924> (дата обращения: 07.01.2026)

³ Вклад ИИ в ВВП страны к 2030 году должен превысить 11 трлн рублей. Аналитический центр при Правительстве России. 20.11.2025. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/vklad-ii-v-vvp-strany-k-2030-godu-dolzen-prevysit-11-trln-rublej-28260> (дата обращения: 07.01.2026)

4) предложить рекомендации по оптимизации политики с учетом региональной специфики.

Обзор научной литературы и экспертных исследований свидетельствует о растущем интересе к тематике использования ИИ в экономической политике, но с фрагментарным охватом постсоветского пространства.

Современные зарубежные работы акцентируют внимание на глобальных трендах и рисках. Так, по данным ООН, искусственный интеллект может повлиять на 40% рабочих мест во всём мире, обеспечивая повышение производительности труда, но также повышая риски автоматизации и вытеснения рабочих мест, что может усугубить неравенство и снизить конкурентное преимущество дешевой рабочей силы в развивающихся странах⁴. ОЭСР анализирует примеры применения ИИ в оптимизации государственных расходов, к примеру, в области социального обеспечения⁵. Работы Д. Аджемоглу и П. Рестрепо фокусируются на эффектах замещения и повышения производительности, которые искусственный интеллект оказывает на рынок труда [1]. Усиление данных эффектов требует дополнительного изучения, поскольку чревато дальнейшей поляризацией занятости в переходных экономиках.

Отечественные подходы к исследуемой проблематике характеризуются большей фокусировкой на социальных аспектах применения ИИ. Так, Н.П. Бродская, исследуя перспективы развития технологий искусственного интеллекта в странах Содружества Независимых Государств через призму проблем глобального цифрового неравенства, отмечает, что несмотря на наличие значительного научного потенциала и амбициозных государственных стратегий, страны СНГ сталкиваются с риском усиления цифрового разрыва [2]. Р.С. Выходец обращает внимание на то, что для политики стран ЕАЭС в области ИИ характерна ориентация на внешние технологии и инвестиции [3]. Для стран региона имеет первостепенное значение укрепление собственного технологического суверенитета и выработка единой политики в сфере наиболее передовых технологий, в том числе в области ИИ [4].

Географические рамки исследования определены странами постсоветского пространства. Временные рамки охватывают период 2019-2025 гг., когда в ряде постсоветских стран были разработаны национальные стратегии и концепции развития искусственного интеллекта: Россия (2019 г.)⁶, Казахстан (2024 г.)⁷, Узбекистан (2024 г.)⁸, Азербайджан (2025 г.)⁹.

⁴ AI's \$4.8 trillion future: UN Trade and Development alerts on divides, urges action. UNCTAD. URL: <https://unctad.org/press-material/ais-48-trillion-future-un-trade-and-development-alerts-divides-urges-action> (дата обращения: 07.01.2026)

⁵ Artificial Intelligence in Society. OECD. URL: https://www.oecd.org/en/publications/artificial-intelligence-in-society_eedfee77-en.html (дата обращения: 07.01.2026)

⁶ Указ Президента России от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 07.01.2026)

⁷ Концепция развития искусственного интеллекта на 2024-2029 годы (утв. постановлением Правительства Республики Казахстан от 24.07.2024 № 592). URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/stroi-akzhar/documents/details/970592?lang=ru> (дата обращения: 07.01.2026)

⁸ Постановление Президента Республики Узбекистан от 14.10.2024 № ПП-358 «Об утверждении Стратегии развития технологий искусственного интеллекта до 2030 года». URL: <https://lex.uz/ru/docs/7158606> (дата обращения: 07.01.2026)

⁹ Распоряжение Президента Азербайджанской Республики «Об утверждении «Стратегии искусственного интеллекта Азербайджанской Республики на 2025-2028 годы». 19.03.2025. URL: <https://president.az/ru/articles/view/68364> (дата обращения: 07.01.2026)

Практическая значимость исследования проявляется в систематизации имеющейся информации об использовании ИИ в экономической политике постсоветских стран [5]. Результаты могут быть использованы правительствами государств региона для нюансировки политики в области цифрового развития, минимизации рисков автоматизации труда и максимизации выгод от использования ИИ в различных отраслях экономики [6].

Таким образом, исследование заполняет пробел в изучении ИИ как инструмента экономической политики постсоветского пространства, предлагая сбалансированный взгляд на возможности (рост производительности в ключевых секторах) и ограничения (цифровой разрыв, рост безработицы), способствуя устойчивому развитию региона [7].

МЕТОДОЛОГИЯ

Исследование основано на междисциплинарном подходе к изучению искусственного интеллекта как фактора трансформации экономической политики в переходных экономиках. В качестве методологической основы используются подходы, свойственные новому институционализму [8], а также теория эндогенного роста [9]. В развитие упомянутых теорий настоящая статья рассматривает искусственный интеллект как драйвер технологических скачков, а также подчеркивает роль инфраструктуры и регуляторной политики в диффузии инноваций в контексте ИИ. В практическом плане методология включает сравнительный анализ и кейс-стади [10].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проведённое исследование показало, что целенаправленное и систематическое использование государствами ИИ

в экономической политике становится стратегическим приоритетом для обеспечения экономического роста. Значение использования искусственного интеллекта в увеличении ВВП стран постсоветского пространства будет расти пропорционально уровню институциональной поддержки и объёму включения соответствующих мероприятий в национальные планы развития.

К примеру, значимый вклад в достижение поставленной Президентом России В.В.Путиным задачи по обеспечению повышения вклада ИИ в ВВП страны к 2030 году вносит использование искусственного интеллекта в Федеральной налоговой службе России для автоматического выявления разрывов в цепочках НДС. Использование данной технологии в рамках налогового мониторинга позволило повысить собираемость налогов без увеличения налогового бремени и оказало положительный эффект в контексте дальнейшей оптимизации фискальной политики.

Можно утверждать, что ведущие экономики постсоветского пространства перешли от фрагментарной цифровизации к системному долгосрочному планированию, в том числе в области ИИ, о чём свидетельствует разработка национальных концепций и стратегий в сфере искусственного интеллекта в 2019-2025 гг. Принятие подобных документов институционально закрепляет ИИ как инструмент макроэкономического регулирования. Например, утверждённая Правительством Республики Казахстан Концепция развития искусственного интеллекта на 2024-2029 годы подразумевает широкое применение технологий ИИ в различных отраслях экономики от добычи полезных ископаемых до торговли при системной инфраструктурной и финансовой поддержке государства.

Исследование подтверждает наличие угрозы технологической поляризации. Страны с ресурсной моделью экономики быстрее внедряют ИИ за счёт государственных инвестиций, в то время как менее развитые экономики региона рискуют оказаться в зависимости от импортных технологий, что подрывает их технологический суверенитет. Цифровое неравенство может нарастать и внутри стран. К примеру, Узбекистан, приняв Стратегию развития технологий искусственного интеллекта до 2030 года и активно развивая IT-парки, тем не менее сталкивается с неравномерным доступом к высокоскоростному Интернету в сельских регионах по сравнению с Ташкентом, что ограничивает возможности внедрения ИИ-инструментов в сельском хозяйстве и образовании на периферии.

Подтверждаются вызовы для рынка занятости. ИИ замещает рутинный труд, что в условиях избыточной или дешёвой рабочей силы, характерной для ряда стран Центральной Азии, может привести к росту структурной безработицы. Вместе с тем, одновременно создается спрос на высококвалифицированные кадры, дефицит которых является барьером. Так, в банковском секторе стран региона, например, в Halyk Bank (Казахстан) или в Сбер (Россия), внедрение ИИ в деятельность колл-центров и процессы кредитного скоринга приводит к сокращению должностей младших сотрудников, одновременно порождая значительный спрос на специалистов по аналитике данных, которых образовательные системы стран пока не готовят в нужных объемах.

Внешние санкции и ограничение доступа к глобальным библиотекам данных и передовому оборудованию и сырью, включая чипы и полупроводники, замедляют темпы внедрения ИИ, вынуждая

страны региона форсировать разработку собственных решений или вступать в технологические альянсы. В подобной ситуации оказались Россия и Белоруссия. Решая данную задачу, Россия переориентировала разработку ИИ на использование отечественных библиотек машинного обучения и создание суверенных языковых моделей (например, GigaChat и YandexGPT), которые интегрируются в государственные услуги и бизнес-процессы для обеспечения устойчивости управления.

В целом, проведённое исследование свидетельствует, что для стран постсоветского пространства расширение внедрения искусственного интеллекта может создать как возможности, так и угрозы. С одной стороны, ИИ представляет собой значимый инструмент для оптимизации экономической политики и модернизации отраслей экономики (как наглядно показывают примеры России и Казахстана), с другой – дополнительный потенциальный фактор социальной нестабильности из-за возможного вытеснения рабочих мест и инфраструктурного отставания периферийных регионов.

ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные результаты в целом подтверждают, что внедрение ИИ в странах постсоветского пространства выступает не «универсальным усилителем эффективности», а технологией, эффект которой определяется качеством институтов, зрелостью инфраструктуры данных и способностью государства и бизнеса управлять социальными последствиями автоматизации.

В рамках дальнейшего исследования данной темы можно предположить, что наибольший прикладной эффект от использования ИИ в экономической политике проявляется там, где уже накоплены

релевантные массивы данных и формализованы процессы. Для постсоветских стран это особенно важно, поскольку многие управленческие процедуры исторически сталкиваются с ведомственной разрозненностью и необходимостью «ручного» согласования. ИИ в таком случае может оказать положительное влияние на развитие экономической политики не только за счёт конкретных результатов от его непосредственного использования, но и косвенно за счёт вынужденной стандартизации данных и регламентов. Одновременно это объясняет, почему эффект неоднороден: в отраслях с высокой цифровой зрелостью (налоговое администрирование, городское управление, финансы) прирост выше, чем в сферах, где данные слабо структурированы или зависят от межведомственного обмена.

Крайне важно корректно оценивать потенциальные риски. ИИ способен воспроизводить и усиливать уже существующие территориальные и отраслевые диспропорции. Для постсоветского пространства характерна концентрация человеческого капитала и инвестиций в нескольких крупных агломерациях, тогда как периферийные регионы испытывают дефицит инфраструктуры связи, вычислительных мощностей и квалифицированных кадров. Это объясняет, почему эффекты от использования искусственного интеллекта концентрируются в телекоммуникациях и банкинге, но слабее проявляются в малом бизнесе и региональных учреждениях. В логике теории эндогенного роста это может способствовать формированию определённой разновидности ловушки бедности: без начальных вложений в инфраструктуру и образование периферия не может извлечь выгоду из ИИ, но без выгоды снижается мотивация и способность инвестировать. Иными

словами, расширение использования ИИ может иметь не только положительные, но и отрицательные экстерналии.

Намечающийся структурный сдвиг на рынке труда (сокращение позиций, характеризующихся рутинным трудом, при росте спроса на аналитические и инженерные компетенции) согласуется с концепцией «поляризации занятости». Однако для постсоветских стран его значение может быть более острым из-за ограниченных ресурсов в области профессиональной переподготовки и миграции талантов. Это ведет к двойному эффекту: внутри стран усиливается разрыв между работниками с цифровыми навыками и без них, а между странами – разрыв между теми, кто способен удерживать и привлекать специалистов по данным, и теми, кто становится «донором» таких кадров. Поэтому экономический выигрыш от ИИ в краткосрочном периоде может сопровождаться социальными издержками, что делает критически важными активные политики переобучения, стимулирование корпоративных программ по переподготовке и развитие прикладных образовательных треков в высших учебных заведениях.

Важное место в интерпретации результатов исследования занимает фактор ограничения доступа к передовому оборудованию и компонентам ИИ-экосистемы. Даже при наличии данных и запросов со стороны государства и бизнеса дефицит вычислительных ресурсов, зависимость от зарубежных поставок и фрагментация технологических цепочек повышают стоимость внедрения и снижают скорость диффузии инноваций. В результате страны вынуждены выбирать между импортом решений, сопряжённым с рисками технологической зависимости, развитием собственных моделей, характеризующимся высокими фиксированными затратами

и адаптацией открытых технологий. Это дополнительно усиливает неравномерность: крупные игроки и столицы, такие как Россия и Казахстан, способны финансировать локальные разработки и инфраструктуру, а ряд стран региона, таких как Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан нередко вынуждены ограничиваться точечными решениями или откладывать внедрение.

Обсуждаемые результаты следует трактовать с учётом ограничений исследовательского дизайна, который опирался на кейс-стади и вторичные данные. Кейсы из финансового сектора и государственного управления могут смещать картину в сторону тех отраслей, где данные наиболее доступны и цифровизация выше. Оценка эффектов зачастую базируется на внутренних метриках стран и не всегда сопоставима на межстрановом уровне. Наконец следует учитывать идущие параллельно с внедрением ИИ комплексные процессы цифровой трансформации и внедрения других технологий: положительные эффекты для экономик стран постсоветского пространства могут объясняться не только использованием искусственного интеллекта, но и реинжинирингом процессов, обновлением ИТ-ландшафта и изменениями в регуляторике.

С практической точки зрения исследование показывает, что внедрение ИИ в экономическую политику стран региона должно рассматриваться в комплексе: технологические инвестиции дают максимальный эффект лишь при одновременном развитии управления данными, совершенствовании алгоритмов, улучшении нормативно-правового регулирования и развитии человеческого капитала. Для научной повестки результаты подчеркивают необходимость дальнейших сравнительных исследований по странам

и секторам, количественной оценки влияния ИИ на производительность и занятость.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование подтвердило, что искусственный интеллект становится значимым инструментом экономической политики постсоветских стран, однако его влияние не является универсальным и напрямую зависит от качества институтов, цифровой зрелости, доступности данных и способности государств управлять социальными последствиями автоматизации. В 2019-2025 гг. ряд государств региона перешёл от фрагментарной цифровизации к более системному стратегическому планированию в сфере ИИ, что отражено в национальных концепциях и стратегиях и закрепляет ИИ в качестве элемента макроэкономического регулирования.

Практические эффекты применения ИИ проявляются наиболее отчетливо в сферах с высокой формализацией процедур и накопленными данными. Кейс использования ИИ в Федеральной налоговой службе России демонстрирует потенциал технологий для повышения эффективности фискального администрирования и роста собираемости налогов без прямого увеличения налогового давления. Примеры Казахстана и Узбекистана показывают, что государственная поддержка и развитие цифровых экосистем могут ускорять внедрение ИИ в отраслях экономики, но одновременно выявляют проблему неравномерности доступа к инфраструктуре и цифровым сервисам между столицами и периферией.

Вместе с тем исследование выявило ряд ограничений, способных снизить суммарный экономический эффект от ИИ и усилить диспропорции развития. Ключевыми барьерами выступают

дефицит квалифицированных кадров и риски поляризации занятости, когда вытеснение рутинного труда сопровождается ростом спроса на компетенции в области данных, которые образовательные системы государств постсоветского пространства пока формируют недостаточно быстро. Существенным ограничителем также является технологическая зависимость от внешних поставок оборудования и компонентов ИИ-экосистем, что повышает издержки внедрения и стимулирует страны к выбору между импортом решений, развитием собственных моделей и адаптацией открытых технологий. Это усиливает технологическую поляризацию: более крупные экономики способны инвестировать в суверенные разработки и инфраструктуру, тогда как менее

развитые страны вынуждены ограничиваться точечными проектами.

В целом, для максимизации выгод и снижения рисков от внедрения искусственного интеллекта в экономическую политику странам постсоветского пространства необходим комплексный подход: инвестиции в данные и инфраструктуру, развитие человеческого капитала и программ переобучения, совершенствование нормативно-правового регулирования и принятие мер по сокращению цифрового неравенства. Перспективы дальнейших исследований связаны с межстрановыми сопоставлениями, количественной оценкой влияния ИИ на производительность и занятость, а также анализом устойчивости выбранных моделей внедрения в условиях различий институциональной и технологической среды.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Acemoglu D., Restrepo, P. Artificial Intelligence, Automation and Work. NBER Working Papers 24196. National Bureau of Economic Research, Inc. 2018.
2. Бродская Н.П. Технологии искусственного интеллекта в странах СНГ: проблемы и перспективы. *Россия и новые государства Евразии*. 2025;III (LXVIII):138-150. doi: <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2025-3-138-150>
3. Ведута Е.Н., Гегамян Л.А. Искусственный интеллект в обеспечении устойчивого экономического развития. Государственное управление. *Электронный вестник*. 2025;110:179-194. doi: <https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-110-2025-179-194>
4. Выходец Р.С. Политика стран ЕАЭС в области искусственного интеллекта. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2022;16(3):106-117. doi: <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-03-106-117>
5. Городнова Н.В. Применение искусственного интеллекта в цифровой экономике. *Первое экономическое издательство*. 2021. 154 с. doi: <https://doi.org/10.18334/9785912923777>
6. Лексин В.Н. Искусственный интеллект в экономике и политике нашего времени. Статья 1. Искусственный интеллект как новая экономическая и политическая реальность. *Российский экономический журнал*. 2020;4:3-30. doi: <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2020-5-3-33>
7. Масалов Е.И., Старых С.А. Искусственный интеллект как основа формирования нового экономического устройства стран. *Управленческий учет*. 2025;6:206-212. DOI: 10.25806/uu-5292.
8. North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press (Political Economy of Institutions and Deci-

- sions). 1990. doi: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511808678>
9. Romer P.M. Endogenous technological change. *Journal of political Economy*. 98(5, Part 2). doi: <https://doi.org/10.1086/261725>
10. Trabelsi M.A. The Impact of Artificial Intelligence on Economic Development. *Journal of Electronic Business & Digital Economics*. 2024;3(2):142-155, doi: <https://doi.org/10.1108/JEBDE-10-2023-0022>

REFERENCES

1. Acemoglu D. & Restrepo P. Artificial Intelligence, Automation and Work. NBER Working Papers 24196. National Bureau of Economic Research, Inc. 2018.
2. Brodskaya N.P. Artificial Intelligence Technologies in the CIS Countries: Problems and Prospects. *Russia and the New States of Eurasia*. 2025;III (LXVIII):138-150. doi: <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2025-3-138-150> (In Russ.).
3. Veduta E.N., Geghamyan L.A. Artificial Intelligence in Ensuring Sustainable Economic Development. Public Administration. *Electronic Bulletin*. 2025;110:179-194. doi: <https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-110-2025-179-194>
4. Vyhodets R.S. Policy of the EAEU countries in the field of artificial intelligence. *Eurasian integration: economics, law, politics*. 2022;16(3): 106-117. doi: <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-03-106-117> (In Russ.).
5. Gorodnova N.V. Application of Artificial Intelligence in the Digital Economy. *First Economic Publishing House*. 2021. 154 p. doi: <https://doi.org/10.18334/9785912923777> (In Russ.).
6. Leksin V.N. Artificial Intelligence in the Economics and Politics of Our Time. Article 1. Artificial Intelligence as a New Economic and Political Reality. *Russian Economic Journal*. 2020;4:3-30. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2020-5-3-33> (In Russ.).
7. Masalov E.I., Starykh S.A. Artificial Intelligence as a Basis for the Formation of a New Economic Structure of Countries. *Management accounting*. 2025;6:206-212. DOI: 10.25806/uu-5292 (In Russ.).
8. North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press (Political Economy of Institutions and Decisions). 1990. doi: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511808678>
9. Romer P.M. Endogenous technological change. *Journal of political Economy*. 98(5, Part 2). doi: <https://doi.org/10.1086/261725>
10. Trabelsi M.A. The Impact of Artificial Intelligence on Economic Development. *Journal of Electronic Business & Digital Economics*. 2024;3(2):142-155, doi: <https://doi.org/10.1108/JEBDE-10-2023-0022>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Александр А. Уланов

Кандидат экономических наук,
МГИМО МИД России, Москва, Россия;
119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 76;
a.ulanov@inno.mgimo.ru

Alexander A. Ulanov

PhD in Economics,
MGIMO University, Moscow, Russia; bld.
76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia,
119454;
a.ulanov@inno.mgimo.ru